

БАЗОВАЯ МЕТАФОРА ТЕКСТА И ЕЕ ПРОИЗВОДНЫЕ В СОВРЕМЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ

Базовая концептуальная метафора «Мир как Текст» стала исходным пунктом современного постмодернистского мышления и породила такие частные подпарадигмы концептуальных метафорических формул, как «Мир – Космическая Библиотека» (В. Лейч), «Мир – Словарь» (У. Эко) и пр. Эта метафорически структурированная позиция, задающая новую методологию гуманитарного мышления, за несколько последних десятилетий конкретизировалась в обширной парадигме частных метафорических построений, соответствующих формуле «X как Текст» и связанных с ней метафорических элементов распространяющего характера, отразивших специфику текстоцентрического восприятия мира человеком.

Объективные свидетельства в пользу сказанного даёт обращение к интернет-источникам, в частности использование возможностей поисковых систем (мы обратились к двум наиболее популярным из них – Yandex и Google), а также Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Целью обращения была фиксация контекстов, воспроизводящих в том или ином виде метафорическую формулу «X как Текст». В результате нами было проанализировано более 200 контекстов с более чем 60 подстановками на месте X.

Собранный нами материал позволяет констатировать, что лексемы, встречающиеся в составе названной выше формулы на месте X, семантически достаточно разнообразны и соответствуют различным тематическим группам, обозначая различные реалии – от природного мира до мира артефактов и социальных процессов:

1) X – интеллектуальный продукт, семиотический объект (*перевод, реклама, миф, право, урок, народная примета, шорт-лист, произведение искусства, кино, фильм, текст* и др.);

2) X – артефакты (*экспонат музея, одежда, алфавит, храм, нижнее бельё, зодчество* и пр.);

3) X – физиологические процессы и понятия (*смерть, осмысленное действие, болезнь, голос* и др.);

4) социальные процессы и сферы (*потребление, террористический акт, путешествие, наука* и др.);

5) X – пространственные объекты (*мир, город, Пермь, малая родина* и др.);

- 6) X – человек в целом, конкретная личность (*человек, тело, Пушкин, Хармс, Битов, генерал Ларионов* и др.);
- 7) X – темпоральные понятия (*время, история* и др.);
- 8) природные объекты (*кит* и др.).

Вполне ожидаемо, что по частотности на месте X, как свидетельствует собранный нами материал, лидируют названия продуктов интеллектуальной деятельности человека, выраженные в словесно-знаковой форме, т.е. такие, которые могут быть эксплицированы в виде текста либо имеют исключительно текстовое выражение (вплоть до выражения *текст как текст*). Иными словами, это всё то, что можно **читать** в прямом, буквальном смысле.

Большинство остальных тематических групп лексем-подстановок на месте X в количественном отношении приблизительно равны, за исключением двух последних, несколько уступающих по данному показателю. Однако, на наш взгляд, здесь важна даже не столько частотность, сколько регулярность, неединичность контекстов с различными X в каждой из групп, что позволяет говорить о стабилизации концептуальной метафоры «X как текст» за счёт постоянства пополнения корпуса иерархически подчинённых ей конкретизаторов.

Поскольку для лексем из названных тематических групп весьма сложно уловить некие закономерности для попадания / непопадания в рассматриваемую метафорическую мишень, можно предположить, что абсолютно каждый объект микро- и макрокосмоса, как природный, так и рукотворный, может быть воспринят и концептуализирован как потенциальный текст.

В этом нет ничего случайного и ничего принципиально нового. Постмодернизм не открыл для нас эту метафору – он лишь актуализировал и абсолютизировал её (история мира есть история текстов; культура есть сумма текстов = интертекст; нет реальности – есть гиперреальность; нет референтов и знаков – есть симулякры и т.д.), что, по-видимому, и должно было случиться в век информационного общества (см. работы Ж. Делёза, Ж. Бодрийяра, М. Фуко, Ж. Дерриды, Ж.-Ф. Лиотара, Р. Барта, Ю. Кристевой).

Осмысление Мира как Текста известно и литературной традиции прошлого. В особенности можно отметить весьма частотную метафору «Жизнь – Книга», широко распространённую в русских литературных (в первую очередь – поэтических) текстах XVIII-XIX вв. и подхваченную мастерами слова в последующие эпохи. Ср.:

*Вся жизнь твоя — разверста книга,
Могуща подавать пример,*

*Как в мире чтить себя заставить,
Не предками — собой блистать,
Отечество, себя прославить
И в род и род не умирать.*
(И. Дмитриев. «Стихи графу
Суворову-Рымникскому,
на случай покорения Варшавы», 1794)

*Жизнь наша — книга. Много в ней
Найдется сцен разнообразных:
Смешных, нелепых, скучных, грязных,
Тяжелых, вялых и бессвязных,
Как на страницах повестей.*
(С. Дуров. «В альбом графини С-кой», 1846)

*Как старовер журнальной лиги,
Смотрю кругом я без забот:
У жизни, как у старой книги,
Лишь обновился переплет.*
(Д. Минаев. «Напрасные опасения», 1885)

*О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.*
(М. Цветаева. «Молитва», 1909)

Характерно, что данная отправная метафора влечёт за собой и ряд развивающих её звеньев, ср.: *«Вяземский не раз сравнивал свою жизнь с книгой, проживание — с чтением. Ассоциация не только с Книгой Бытия, но и сугубо писательская — с книгами написанными и прочитанными. С несчастым в христианской культуре бесстрашием высказался он о вероятности загробной жизни: «Благодарю, с меня довольно, Так надоел мне первый том»... И если жизнь — книга, то память — записная книжка, а в столь преклонном возрасте, конечно, — Старая записная книжка... «На жизни тоже есть минувшего следы, Записаны на ней и жалобы, и пени»...»* (Вадим Перельмутер. Записки без комментариев (2001-2003) // «Октябрь», № 7, 2003).

Восприятие Мира в целом и его отдельных феноменов в частности как Текста (в этом плане метафора Книги, равно как и парадигматически близкие метафоры Словаря, Тетради, Альбома и т.п., может быть рассмотрена как одна

из основных репрезентаций метафоры Текста) реализует архетипический принцип изоморфизма во взглядах на основополагающие феномены бытия. Подобный изоморфический подход уходит своими корнями в античную философскую мысль. В частности, у Платона и ряда других выдающихся мыслителей прошлого находим представление о мире как о мире идей, о многоуровневой реальности, уровни которой находятся в отношении глобального взаимодействия, взаимодублирования, взаимодополнения, взаимообусловленности, заданных их гомогенностью и структурным изоморфизмом.

В числе осмысляемых в данном отношении феноменов первостепенную роль играет Слово в своём онтологическом понимании, сводящее к себе как к некоему центру всё механизмы языка (по Ф. де Соссюру) и – более того – бытия. Современной науке известны уже не единичные прецеденты поиска (и нахождения!) структурного изоморфизма слова с такими феноменами идеального и материального бытия, как мозг, генетический код, человек, Вселенная [Гирущий 2003, 199 – 266]. В этом смысле текст правомерно рассматривать как производные того самого Слова / Языка, а следовательно, логично будет принять в качестве исходного, аксиоматического, положения тезис о потенциально присущих им универсальных изоморфических свойствах. В одних случаях осмысление подобного изоморфизма – плод работы гуманитарной, философской мысли, а в других мы имеем дело с переходом от метафоры-гипотезы к доказательной естественно-научной теории (ср., например, открытие единства фрактальной структуры ДНК и человеческой речи, сделавшее метафору «Человек как Текст» фактически реальным открытием в области генетики и микробиологии; ср. термин *генетический алфавит*).

Примечательно, что различные реализации формулы «X как Текст» в сетевых публикациях последних лет зачастую функционируют в качестве заголовка или элемента заголовочного комплекса текста. Ср.: *Читаем тело! Тело как текст в романе Кобо Абэ «Женщина в песках»* (<http://www.effcom.ru/archive/issue1/vlasova.html>); или: *Битов как текст. Автор "Пушкинского дома" отмечает юбилей* (<http://www.litkarta.ru/dossier/basinsky-bitov>). При этом последующий текст обычно строится как текст-метафора, развивающий данную отправную метафорическую формулу.

В целом ряде интернет-публикаций отправной точкой повествования (и/или рассуждения) становится рефлексия по поводу центральной (базовой) постмодернистской метафоры «мир как текст», а дальнейшим содержанием – развёртывание данной метафоры в ключевой концепт текста, ср.: *«В постмодернистской культуре слово «текст» приобрело расширенное истолкование – если в традиционных гума-*

нитарных науках, сегментированных и привязанных к конкретным институциям, текстом называлась замкнутая структура, подвластная узкому и ограниченному кругу интерпретаций, то в постмодернистской гуманитарной культуре «текст» уже не нуждается в контексте, он сам создает свои контексты. Произошел переход от истолкования к программированию текста.

С этой точки зрения о городе как о тексте наиболее подробно и проницательно говорил французский социальный мыслитель Мишель де Серто в книге «Изобретение повседневности» (1980; в английском переводе она получила название «Практика повседневной жизни»). Город, понимаемый как текст, отличается тем, что его «читатели» располагаются в самом тексте. Это как если бы все герои какого-то романа тоже прочли этот роман и стали руководствоваться в своих поступках предоставленной писателем информацией» (А. Марков. Город как текст // http://www.intelros.ru/pdf/Kultivator/2012_4/6.pdf).

В качестве ещё одного примера приведём поиск аналогии Текста и Времени – фрагмент статьи, в которой центральная текстообразующая метафора решается на примере «Капитанской дочки» А.С. Пушкина: «Идея сопоставить поток времени и текст только с первого взгляда может показаться необычной. По своей исходной природе тексты подразумевают изоморфность потоку времени – они пишутся последовательно и без поворотов назад – также как идёт само время (тут я оставляю в стороне редактирование готового текста, это особая тема). И обычно они предназначены для того, чтобы и читатель их читал последовательно и без поворотов назад. Не случайно, первыми примерами достаточно длинных текстов были хроники, летописи – эти документы становились буквально отражением хода исторического времени.

Конечно, между хрониками и самим потоком исторических событий не бывает точного соответствия. В хрониках не посвящают каждому году ровно по 12 страниц. "Скорость хода" летописей зависит от наполнения времени событиями, а скорость объективного, физического времени вроде бы постоянна, неизменна. Тем более соответствие между временем и текстом усложняется, когда мы берём тексты не хронологические, а художественные или философские.

И тем не менее – и в этом есть некая загадка – тексты дробятся почти так же, как дробится время. В том числе, и порождая логнормальные распределения...» (Р. Уфимцев. Пролог 35. Время как текст // http://www.cognitivist.ru/er/kernel/prologi_35_time_as_text.xml).

Можно отметить и функционирование подобной модели в суггестивной функции, например, в качестве психотерапевтической метафоры, – ср. название семинара «Жизнь как текст (опыт нарративной психологии)» (<http://vk.com/event28964751>).

Анализируемая базовая метафора обнаруживает себя не только в литературно-философском дискурсе и не только в эксплицированном виде. В повседневном общении на разнообразные темы мы вольно или невольно, сами того не замечая, весьма часто прибегаем к «отголоскам», «осколкам» данной метафоры, реализуя её имплицитно через посредство частных распространителей (производных). Приведём в качестве примера несколько типичных фраз из комментариев к футбольным матчам (как профессиональным, так и любительским), взятых с интернет-порталов и форумов: *Последовала острая контратака «Металлиста» – в концовке Канкава прочитал нас под себя Девича под удар партнере* (<http://www.fcdnipro.ua/en/match-center/2013/05/19/1891>); *Автор первого гола сборной Таити по футболу на крупных турнирах Жонатан Тео заявил, что мечтает играть в «Барселоне»* (<http://rsport.ru/football/20130618/668595554.html>); *Рулевой «Валенсии» Унаи Эмери считает, что его команде необходимо будет показать содержательную игру, чтобы добыть положительный результат в матче против «Реала»* (<http://www.merengues.ru/main/1949-yemeri-my-dolzheny-budem-pokazat-soderzhatel-nuyu-igru.html>); *Игра ни о чём ...или кто виноват, Аршавин?* (<http://betting.gamblingunited.com/blogs/nick/igra-ni-o-chyomili-kto-vinovat-arshavin>); *Андреас Меллер: «Для "Боруссии" вообще, может быть, кульминация сезона»* (<http://football.kulichki.net/worldnews/news.htm?245623>). Как видно, в прямой референциальной отнесённости выделенные слова и выражения могут сочетаться лишь с теми номинативными единицами, которые обозначают тексты или то, что может быть обращено в текстовую форму. Тем самым структурируется имплицитная интертекстовая и интердискурсивная метафора «Футбол (Игра, Спорт) как Текст». Подобных примеров можно немало найти и в дискурсивных практиках, посвящённых иной тематике.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что глобальная базовая метафора «Мир как Текст» в современных дискурсивных практиках вышла далеко за рамки постмодернистского интеллектуального философско-публицистического и литературно-художественного дискурса и стала – в различных своих вариациях – одной из доминантных для русской языковой картины мира в целом, постепенно расширяя зону своего распространения за счёт включения в неё новых понятий и сфер человеческой деятельности, окончательно закрепив за собой статус одной из тех метафор, «которыми мы живём», по знаменитому выражению выдающегося метафоролога Дж. Лакоффа.

Библиографический список

1. Гируцкий А. А. Общее языкознание: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., стер. Минск : ТетраСистемс, 2003. 304 с.